7. Федотова Н. Н. Глобализация и образование / Н.Н. Федотова // Философские науки. – 2003. – №4. – С. 5-24.

8. Філософські абриси сучасної освіти: Монографія / авт.кол.: Предборська І., Вишинська Г., Гайдаєнко В., Гамрецька Г. та інші. – Суми: ВТД „Університетська книга”, 2006. – 226 с.

Бакуменко Роман Ігорович – аспірант кафедри соціології Одеського національного університету

УДК 303.094.4:316.3

НАЦІОНАЛЬНА ТОЛЕРАНТНІСТЬ В УМОВАХ СОЦІАЛЬНО-ПОЛІТИЧНИХ ЗМІН УКРАЇНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

В даній статті аналізуються факти, котрі відображають рівень національної толерантності в умовах соціально-політичних та економічних змін українського суспільства. А також аналізуються факти агресії на Південному сході України через призму суспільної думки.

Ключові слова: національна толерантність, національні інтереси, зовнішня агресія.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО - ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

В представленной статье анализируются факторы, которые отражают уровень национальной толерантности в условиях социально-политических и экономических изменений украинского общества. Анализируются факторы агрессии на юго-востоке Украины через призму общественного мнения.

Ключевые слова: национальная толерантность, национальные интересы, внешняя агрессия.

NATIONAL TOLERANCE IN TERMS OF SOCIAL-POLITICAL CHANGE UKRAINIAN SOCIETY

In the present article analyzes the factors that reflect the level of national tolerance in terms of socio-political and economic changes in the Ukrainian society. The factors of aggression in the south-east of Ukraine through the prism of public opinion.

Key words: national tolerance, national interests, external aggression.

Актуальность проблемы. Для предупреждения конфликтов в обществе, основой которого является национальное разнообразие, важной задачей является формирование толерантности. Вопрос национальной толерантности является актуальным, поскольку Украина находится в условиях социально-политических изменений, сменой идентичностей в постсоветском обществе, а так же в период, когда нарушена целостность политических и географических границ. Украинскому социуму важно осознавать четкость границ политических и экономических ориентаций, когда идентичности подвергаются значительным трансформациям и изменениям, а ценностные ориентации социума, являются амбивалентными. «Евромайдан» 2013-2014го года, аннексия Крыма, вторжение на Донбасс, похищение Надежды Савченко, судилище над патриотами Украины - вот не полный список факторов, которые влияют на уровень толерантности. Эти события в полной мере показывают уровень толерантности украинского общества к российскому обществу наоборот.

Цель статьи: анализ факторов, которые указывают на уровень национальной толерантности в Украине.

Задачи статьи: проанализировать уровень толерантности украинцев к россиянам и россиянам к украинцам, период с 2008 по 2016 год в зеркале украинского и российского общественного мнения.

Изложение основного материала исследования.

Основным условием перехода закрытого общества (тоталитарного и традиционно-общинного) к открытому – демократическому обществу является переход от изоляционных признаков функционирования социальной системы к принципам сотрудничества и открытости. В контексте перспектив развития общества, национальная, этническая и расовая толерантность должна рассматриваться не только как потенциал поддержания мира и высокого уровня спокойствия в стране, но и как показатель готовности общественного сознания населения к сотрудничеству с другими сообществами на основе демократических принципов.

Для описания феномена толерантности в процессе межличностного взаимодействия наиболее продвинутой является теория символического интеракционизма, создателями которой являются Дж. Мид и Г. Блумер. Одним из основных ее положений является тезис о том, что личность и социальные действия формируются с помощью символов, которые приобретаются в процессе социализации и взаимно подтверждаются и изменяются в социальном взаимодействии, то есть интеракции, его участниками [1]. В процессе коммуникации большое значение имеет репродуктивная роль знаков "жестов", обозначающих отношение, позицию, социальную установку и действующих на другого индивида как специфические раздражители. Субъекты коммуникации интерпретируют жесты и обобщают ситуацию до определенного содержащегося в ней смысла. Этот процесс Мид называет «символизацией». Коммуникация между людьми происходит за счет создания общезначимых символов. Согласно теории Д. Мида – «значимыми символами называются знаки и символические жесты, вызывающие у другого индивида то же самое представление о присущих им значениях, что и у одного, и поэтому определяющих одинаковую реакцию». Участники взаимодействия интерпретируют поведение друг друга, что представляется предпосылкой взаимодействия. Доминантным понятием в теории символического интеракционизма выступает «идентичность», которая осознается, по мнению Мида, только в том случае, когда индивид смотрит на себя глазами другого. Для социологического анализа толерантности важно исследовать процессы самоидентификации индивида и идентификации, то есть важно понять, каким образом индивид отвечает на вопросы «кто я?» и «кто они?». Ответы на данные вопросы определяют систему взаимодействий между индивидом и его окружением, в том числе и отношения, связанные с толерантностью. Если для индивида показатель национальности или конфессиональной принадлежности не столь важен, то можно говорить о том, что представители иной национальности или конфессии будут для него «значимыми другими» и особенно – «значимыми чужими». Глубинная самоидентификация по определенному признаку формирует столь же глубинное понятие «чужого» и здесь необходимы ценности толерантности, следование нормам и опасение санкций для того, чтобы взаимоотношения «я – чужой» не носили социально опасного характера [1]. Важно отметить, что весьма эффективной может оказаться попытка расширить «поле самоидентификации индивида» и идентификации «значимых других» за счет включения новой системы координат и новых символов.

Исследования Дж. Берри по этнической толерантности установили, что только уверенность в своей собственной позитивной групповой идентичности может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или участия в совместной деятельности. На основе того факта, что позитивная групповая идентичность приводит к толерантности, а угроза этой идентичности – к нетерпимости, к этноцентризму, Реальная уверенность в таком выживании может быть предпосылкой для толерантности, которая может стать антитезой этноцентризма [2]. Таким образом, позитивность этнической идентичности и этническая толерантность – интолерантность, могут выступать в качестве показателей и индикаторов межэтнических и межнациональных отношений. При

возникновении этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней и этнической и национальной толерантности.

Ряд работ украинских и российских исследователей посвящен социальной толерантности, не только как самостоятельному предмету исследования, но и в связи с формированием новых моделей идентичностей, а так же разрушением старых. В Украине в 1990-е годы начат и продолжает до настоящего времени социологический мониторинг межэтнической и национальной толерантности [3]. В России проблематика толерантности исследуется в общетеоретическом и эмпирическом аспектах [4]. Результаты этих исследований показывают закономерность проявления феномена толерантности, показывают причины меж группой нетолерантности, среди которых одним из важнейших факторов является национальная идентичность. В работах последних лет содержатся отдельные наблюдения, касающиеся связи различных типов идентичностей и толерантности [5]. Особый интерес в этом контексте представляет работа М. Б. Хомякова, раскрывающего противоречивый характер одновременного сохранения межгрупповой толерантности и групповых идентичностей. Этот антагонизм, перестает быть лишь в том случае, когда человек может идентифицировать себя не только со «своей» группой, но и распространять механизм идентификации на другие социальные группы, принимая их членом как «своих». В социологическом аспекте под этим подразумевают возможность сокращения социальной дистанции по отношению к «чужим» до той черты, где пребывают «свои». Примером такого сокращения дистанции может послужить способность члена одной национальности допускать в качестве члена семьи и близких друзей представителя другой национальности. В идеале, когда ни один из членов другой национальности не отодвигается на более удаленное расстояние, речь должна идти о подлинно толерантной национальной идентичности, исключающей какое-либо противопоставление «свой» и «чужой».

Украинский социолог Хижняк А. В. определял понятие «толерантность» исходя из его социальной сущности и многомерности. Он рассматривал толерантность как характеристику социального взаимодействия, которая проявляется в возможности устанавливать и сохранять мирными способами общее между субъектами при наличии социального неравенства, которые его нарушают. Толерантность обусловлена социальными и социокультурными контекстами той общности, в которой она формируется и развивается как ценность, культурная норма и принцип деятельности. Согласно Хижняку социальные аспекты толерантности могут рассматриваться в контексте глобализационных процессов, поздней модернизации, культурно плюрализма [6]. Таким образом, толерантность может восприниматься как механизм преодоления социальной дискриминации во всех ее проявлениях, а именно основанных на расовых признаках, этнического и национального происхождения. Определение толерантности в более широком смысле является предпосылкой эффективной борьбы с различными негативными формами нетерпимости. Поскольку гражданские, экономические и политические права тесно связаны с социальными и культурными правами.

Конфликт на востоке Украины, а так же другие геополитические изменение, отразились на взаимоотношениях между украинцами и россиянами. Исследование проведенные Киевским Международным Институтом Социологии и российским аналитическим «Левада-Центр» с 2008 года по 2016 год показывают, что за весь период мониторинга общественного мнения, украинцы лучше относятся к россиянам, чем россияне к украинцам.

По данным исследования за первые несколько лет наблюдений количество населения Украины относившихся к России хорошо или очень хорошо составляло 90% до событий в Крыму, затем уровень симпатий снизился до 82-85% и, особой динамики не наблюдалось. В то же время, по данным исследования, в России наблюдалась существенная динамика. С апреля 2008 по февраль 2009 процент тех, кто положительно относится к Украине, очень сильно снизился и составил — 30%, по сравнению с предыдущими 50%. Данное падение было связано с военными действиями в Грузии, во время которой эту страну поддержала часть руководства

Украины. Тогда мы видели поразительную разницу во мнениях — в целом положительно относились к Украине только 30% россиян, в то время как в Украине 90% населения положительно относились к гражданам российского государства.

Затем ситуация стабилизировалась и была на уровне 70%, а в Украине всё те же 90%. Далее наблюдался небольшой рост симпатии россиян к украинцам, который произошел во время Харьковских соглашений. А после захвата Крыма произошло снижение показателей хорошего отношения к России в Украине — они упали с 82-85% до 52%. Далее, несмотря на войну, показатели упали еще на несколько процентов и сейчас 48% граждан Украины продолжают хорошо относиться к России, но не к руководству этой страны. Как видно из данной статистики, практически половина населения Украины имеет высокий уровень толерантности по отношению к агрессивным соседям. Стоит отметить, что у россиян принятие Украины упало еще больше, сейчас хорошо относятся к нашей стране всего 34% жителей РФ, и это на 16% меньше, чем у украинцев[7].

По данным мониторинга 2016 года «Левада-Центр» опубликовали следующие показатели. Представление о правильности присоединения Крыма к России среди россиян, по-прежнему сохраняется более чем на 80 % уровне. Но к февралю 2016 г. незначительно снизившись, по сравнению с апрелем 2015 года, что составило 89% против 82% соответственно. Две трети россиян, а именно 62% считают, что присоединение Крыма принесло России в целом больше пользы, чем вреда. При этом более трети опрошенных либо видят больше отрицательных последствий от присоединения, 20% опрошенных, чем позитивных, либо затрудняются давать ему какую-либо однозначную оценку 18% респондентов. Напротив, 80% жителей Украины не поддерживают присоединение полуострова к России. Данное присоединение одобряет только десятая часть респондентов, проживающих в Украине. Из чего можно сделать вывод, что в российском общественном сознании преобладают черты империализма и пост-советского мышления.

Преобладает взаимное негативное отношение жителей России к Украине –59% и жителей Украины к России – 47%. Позитивные аттитюды жителей Украины в отношении России выше аналогичных показателей россиян в отношении Украины – 36% против – 28%. Если в целом среди значительной части россиян сохраняется позитивное восприятие Украины, то её нынешнее руководство вызывает только негатив – 81% опрошенных россиян оценили свое отношение как «плохое». Напротив, руководство ДНР и ЛНР вызывает положительное отношение более чем у половины россиян, что составляет 63% респондентов. Негатив в отношении украинского руководства отделяется от жителей Украины в целом, позитивное восприятие которых сохраняется у 59% россиян.

Несмотря на рост негативного восприятия «соседа», представление о том, что Россия и Украина должны быть независимыми, но дружественными государствами (с открытыми границами, без виз, таможен и т.п.) разделяет каждый второй россиянин (52%). Только треть опрошенных считает, что они должны строиться по модели взаимодействия с другими странами, включая закрытые границы, визы и таможи. В общественном мнении Украины отсутствует консенсус в представлениях об отношениях между нашими странами. Хотя с началом украинского кризиса доля жителей Украины, выступающих за «открытые границы», снизилась практически на треть, с 73% в ноябре 2013 до 44% в сентябре 2014, в настоящий момент полярных мнений о возможных путях взаимодействия с Россией придерживается равное число граждан Украины – по 43% [8].

В ходе исследования Киевским Международным Институтом социологии и «Левада-Центр», украинцам и россиянам был задан все тот же вопрос «Как вы в целом вы относитесь к Украине» и «Как в целом вы относитесь к России». Вследствие чего были получены следующие результаты. Общая неприязнь жителей Украины и России все еще остается общей тенденцией. Отношение украинцев к россиянам все так же остается лучше, чем россиян к украинцам. С сентября 2015 года, отношение украинцев к россиянам практически не изменилось, а отношение россиян к Украине ухудшилось.

В Украине хорошо относятся к россиянам 36% опрошенных (в сентябре 2015 было 34%), в России к украинцам составило – 27%, в сентябре 2015 показатель составлял – 34%. Из чего можно сделать вывод, что позитивно настроенных россиян к украинцам на 9 процентов меньше, чем отношение украинцев к россиянам.

Наибольшее количество положительно настроенных к России сконцентрировано в восточном – 55% и юго-восточных регионах – 44%, наименьшее – в западном регионе 21%. В центральном регионе хорошо относятся к России 29% опрошенных. Наибольшее количество негативно настроенных к России сконцентрировано в западном регионе – 65%, наименьшее – в восточном 22%. В Центральном регионе так ответили 55% опрошенных, в южном – 42% респондентов [9].

Вывод. Из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что в России наблюдается тенденция возвращения тоталитаризма. Что проявляется в контроле средств массовой информации, а так же в пропаганде российских идеалов и ценностей в зоне АТО. Сознательное сопротивление пропаганде оказывает лишь не большой процент респондентов (7-10%), которых можно отнести к классу интеллигенции. Так же можно сделать вывод, что в общественном сознании граждан России присутствуют зачатки старых имперских взглядов, которые тянутся с конца девятнадцатого столетия. На данный момент Россия является страной державного национализма, из общей массы которого выделяются лишь люди, помнящие советское прошлое и имеющие опыт сопротивления государственному насилию. Общий уровень национальной толерантности у россиян значительно ниже, чем у граждан Украины. Данные показатели сказываются низким уровнем информированности российских граждан, о реальности происходящего на востоке Украины, что указывает на контроль российскими властями СМИ, а так же на то, что российское правительство имеет серьезные инструменты влияния на общественное сознание и не боится ими пользоваться. Данные модели управления государством указывают на возвращение тоталитаризма в управленческий аппарат Российской Федерации и подавление демократии. А создание символа внешнего врага в образе «бендеровцев», «фашистов», «укропов», «националистов», которые представляют другие ценности и другой образ мышления, который противопоставляется ценностям и интересам гражданам России и является угрозой для них и является ни чем иным как возвращением в советское прошлое и старое мышление

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. / Х. Абельс. – СПб.: "Алтейя", 2001.–272 с.*
2. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме /В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 1997. – С. 46 - 54.
3. Панина Н. О применении шкалы социальной дистанции в исследованиях национальной толерантности в Украине / Н. О. Паніна // Социология: теория, методы, маркетинг. 2003. № 3. С. 21-43.
4. Социология межэтнической толерантности / Под. ред. Л.М. Дробижевой. М.: Институт социологии РАН, 2003. - 346
5. Хомяков М.Б. Идентичность, толерантность и проблема гражданства Этнические и гражданские идентичности в России / Под ред. В.С. Магуна, Л.М. Дробижевой, И.М. Кузнецова. - М.: Институт социологии РАН, 2005. - 300
6. Лабиринты толерантности : монография / А. В. Хижняк. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина. – 2014. – 160 с.
7. Режим доступа: <http://gazeta.zn.ua/archives/995>
8. Режим доступа: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=608&page=1>